

Наследный принц выглядел слегка растрепанным: его одежды распахнулись, обнажая широкую полосу груди, что придавало ему вид порочный и притягательный.

Придворные даже не смели поднять глаз, страшась, что принц вырвет им глаза за дерзость. Лицо его было необычайно красивым, однако, когда он лишь начинал свой путь при дворе, кто-то обронил, что ему не хватает величия, и с тех пор Наследный принц возненавидел собственную внешность.

Никто, кроме Седьмого принца, не мог смотреть на него прямо и оставаться безнаказанным — стоило кому-то другому засмотреться на лицо принца, как тот немедленно подвергался суровой каре.

— Малыш Седьмой, почему ты не смотришь на меня?

— Слуги не смеют смотреть на старшего брата...

— Они — это они, а ты — это ты, — Наследный принц на мгновение умолк, а затем расплылся в улыбке. — Когда ты смотришь на меня, на душе становится так радостно.

Седьмой принц действительно поднял голову. Его зрачки, отливающие цветом чая, в лучах света сверкали, словно драгоценные стеклянные бусины.

Взгляд принца постепенно изменился.

Это был вовсе не взгляд брата, смотрящего на брата, и в сердце Седьмого принца зародился страх.

— Малыш Седьмой, дай мне тебя поцеловать.

Неизвестно, был ли он пьян, но принц начал нести чепуху, а из-за употребления дурманящих порошков его капризность достигла предела.

Раньше принц уже пытался целовать его, и Седьмому принцу приходилось лишь покорно терпеть. Он крепко зажмурился, смиряясь с подобным унижением. Но он никак не ожидал, что принц схватит его за руку и потащит прямо в сад.

Повсюду осыпались грушевые деревья, устилая землю ковром из лепестков.

Принц тяжело навалился сверху. Выражение лица Седьмого принца изменилось:

— Не здесь.

— Что?

— Я не хочу, чтобы кто-то увидел.

Принц не собирался переходить границы, максимум — поцелуи, он всё же сдерживал свои желания. Но услышав эти слова, он почувствовал, как сердце кольнуло от боли.

Как раз когда он собрался прикинуть к его губам, неподалеку мелькнула тень. Принц поднял голову и увидел мужчину лет тридцати в чиновничьем одеянии, который направлялся к ним.

— Испортил всё удовольствие.

Подойдя ближе, тот увидел, как Наследный принц прижал Седьмого принца к земле, оба были в беспорядке, и лицо пришедшего мгновенно побелело.

— Ты кто такой?

— Ваше Высочество... я мелкий чиновник из пограничного гарнизона, зовут меня Чжан Вэнь, прибыл в столицу по приказу о переводе.

Услышав это имя, Седьмой принц украдкой бросил на него несколько взглядов.

Принц с усмешкой спросил:

— Что такое? Заинтересовался этим человеком?

Седьмой принц поспешно опустил голову:

— Нет.

Лицо принца тут же помрачнело. Он всегда отличался переменчивым нравом, а после порошков это стало лишь заметнее.

Впоследствии Чжан Вэнь слишком часто общался с Седьмым принцем, и принц ловил их на этом снова и снова.

Чжан Вэнь постоянно присылал какие-то подарки, и один случай окончательно заставил принца решиться на убийство. Он нашел предлог и убедил покойного императора приговорить Чжан Вэня к казни через четвертование.

Линь Цзиньчжи, дойдя до этого места, с усталостью посмотрел на Хань Чжэна:

— Ты знаешь, что это был за случай?

Хань Чжэн поднял голову, в его глазах мелькнул огонек, словно он ждал ответа.

— Благородная супруга посчитала, что принц и Седьмой принц слишком близки, и догадалась, что тот питает к младшему брату чувства. Она приказала слугам подсыпать Седьмому принцу приворотное зелье и заманила Чжан Вэня в его покои, чтобы принц увидел всё своими глазами. Грязи в гареме всегда было в избытке, и этот случай раскрыл Гао Хуа.

— Значит... это князь Ван Лин убил моего названного брата?

Линь Цзиньчжи с трудом кивнул. Согласно тому, что Чэн Хань успел рассказать перед смертью, существовала ещё одна тайна:

— Хань Чжэн, ты знаешь, почему твой названный брат так хорошо относился к Седьмому принцу?

— Почему?

— Биологическая мать Его Величества была простой дворцовой служанкой, а Чжан Вэнь — её родным младшим братом.

В глазах Хань Чжэна промелькнуло изумление, сердце охватила паника.

— Не может быть... этого не может быть...

— Если бы твой названный брат узнал с того света, как ты издеваешься над его племянником, что бы он подумал?

Хань Чжэн застыл, на его лице вздулись вены, он судорожно пытался вдохнуть, но не мог.

Его лицо налилось кровью, внутри всё терзало невыносимое чувство вины, словно от ударов ножом.

Хань Чжэн просто хотел отомстить за брата, который его вырастил. Он и представить не мог, что правда окажется такой: истинным виновником был князь Ван Лин.

Он возненавидел собственную глупость — не только предал память брата, но и, ответив злом на добро, заточил Чу Яня в клетку.

Хань Чжэн с силой ударил кулаком по земле, его правая рука начала кровоточить, но он, казалось, не чувствовал боли.

Спустя долгое время Хань Чжэн с горящим взглядом обратился к Линь Цзиньчжи:

— Развяжи меня, я должен спасти Его Величество!

Услышав это, Линь Цзиньчжи наконец почувствовал, как с души упал камень:

— Ещё не поздно.

Если бы коварный план князя Ван Лина удался и он вновь захватил трон, судьба Чу Янь была бы куда печальнее.

Линь Цзиньчжи подошел и развязал Хань Чжэна:

— Князь Ван Лин просчитал всё, но, вероятно, не учел связь между тем Чжан Вэнем и Его Величеством.

Снаружи слышался шум, Чу Янь посмотрел в ту сторону.

Вскоре он увидел человека в доспехах, который уверенно шел прямо к нему.

Двери распахнулись, и из-за яркого света Чу Янь не сразу разглядел лицо вошедшего. Зажмурившись, он тихо спросил:

— Князь Синь?

— Угадал неверно, — глухо ответил тот.

Услышав голос, Чу Янь невольно расширил глаза. Увидев его лицо, он больше не остался лежать, а встал, чтобы смотреть на него на равных.

Императорское достоинство не позволяло ему вновь склониться перед этим человеком:

— Ты всё-таки посмел прийти ко мне?

Князь Ван Лин с обожанием смотрел на Чу Яня. Он давно его не видел, и за эти годы Чу Янь стал ещё прекраснее — один лишь взгляд на него приводил мужчину в экстаз.

Правда, Чу Янь выглядел слишком хрупким, не таким ухоженным, как в те времена, когда был рядом с ним.

— Этот неблагодарный Линь Цзиньчжи! Ты был к нему так добр, а он всё равно предал тебя.

Чу Янь холодно ответил:

— Что ты хочешь сказать?

Рассудок князя Ван Лина, казалось, был затуманен, он шагнул вперед, одержимый своим чувством:

— Я хочу сказать, Сяо Чэнь, только я никогда не предаю тебя. Даже если ты заточил меня, я не виню тебя.

Столь пылкие слова встретили лишь ледяное:

— Пошел вон!

Улыбка исчезла с лица князя Ван Лина. Глядя на закованного в цепи Чу Яня, он вдруг глухо рассмеялся:

— Это Линь Цзиньчжи запер тебя здесь? Красный шелк на полу так тебе идет, он подчеркивает твою кожу, нефритовую и соблазнительную.

Чу Янь помрачнел ещё сильнее. Что это за описания? Он до сих пор считает его тем маленьким ребенком, который вынужден был полагаться на него?

Князь Ван Лин, продолжая говорить, двинулся прямо к нему.

— Линь Цзиньчжи обманывает тебя, делает с тобой такое, а я бы не стал.

— Всё, что может Линь Цзиньчжи, могу и я. Сяо Чэнь, почему ты не можешь полюбить меня хотя бы капельку?

Видя, что князь Ван Лин подходит всё ближе, Чу Янь насмешливо улыбнулся:

— Он может меня трахать, а ты сможешь?

Услышав это, князь Ван Лин замер и странно посмотрел на Чу Яня.

— Чэнь-эр, ты сильно изменился. Раньше ты никогда не говорил со мной так.

Для Чу Яня князь Ван Лин был лишь переменчивым, одержимым маньяком. Если бы не необходимость играть роль Сяо Чэня и если бы шкала раскаяния Линь Цзиньчжи не была почти заполнена, он бы сам с удовольствием поиздевался над таким типом.

[Внезапно руки зачесались.]

[Хозяин, я тебя поддерживаю!!]

Чу Янь даже удивился: [Почему ты не говоришь, что я обнаглел?]

[Этот отброс, князь Ван Лин, ещё хуже, чем Линь Цзиньчжи!]

Раз уж драгоценная Система так говорит... Чу Янь опустил глаза, а когда поднял их снова, его аура полностью изменилась.

Цель задания дополнена.

То, что жизнь оригинала была такой жалкой, на восемьдесят процентов — заслуга этого князя Ван Лина.

— Раньше я жил хуже собаки.

Не верю, что не смогу тебя довести до ручки.

Услышав слова Чу Яня, князь Ван Лин нахмурился:

— Я был так добр к тебе, всё самое лучшее — еда, одежда, всё для тебя... Чэнь-эр, твои слова... ранят сердце твоего старшего брата.

Чу Янь ответил с фальшивой улыбкой:

— Все говорят, что я — твоя золотая птичка в клетке, что Седьмой принц — лишь игрушка для Наследного принца.

— Мерзавцы! Кто посмел молотить чепуху у тебя за спиной?!

Чу Янь побледнел и ледяным тоном произнес три слова:

— Все вокруг.

Князь Ван Лин пришел в ярость, его грудь тяжело вздымалась. С тех пор как он перестал принимать порошки, здоровье его пошатнулось. Врачи не раз предупреждали его не волноваться, но слова Чу Яня заставили его ощутить горечь.

Он-то думал... что, осознав свою любовь к нему, сможет защитить его от всего мира.

— Старший брат, разве в детстве ты не любил издеваться надо мной больше всего?

Чу Янь с улыбкой протянул руку и высоко закатал рукав, обнажая полоску снежной кожи, а выше — следы от побоев.

В этот миг князь Ван Лин уже не мог улыбаться.

В те годы... когда он ещё не питал к Чу Яню чувств, он действительно был холоден и часто срывал на нем свою злость, не в силах сдержаться.

— Даже лучшие лекарства не смогли стереть некоторые глубокие шрамы. Ты спрашиваешь, почему я полюбил Линь Цзиньчжи?

Чу Янь прошептал:

— Мне было больно, так больно... никто не пришел на помощь, кроме Цзиньчжи...

Глядя на Чу Яня, такого хрупкого, словно он мог рассыпаться от одного прикосновения, князь Ван Лин протянул к нему руку, словно желая убедиться, что он здесь, настоящий.

Снаружи послышалась суматоха, ветер принес запах крови.

Рука князя Ван Лина замерла в воздухе, он обернулся. Его немногочисленные люди были окружены армией Уань и войсками Хань Чжэна. В глазах князя мелькнул шок.

Как быстро... почему Хань Чжэн и Линь Цзиньчжи так скоро объединились?

Его план состоял в том, чтобы заставить их уничтожить друг друга, и Хань Чжэн, как он и ожидал, вступил в борьбу с Линь Цзиньчжи.

Почему всё пошло не так?

Тем временем люди князя Ван Лина уже не могли сопротивляться. Он и так был лишен власти и находился под домашним арестом, а эти остатки его сил не могли противостоять объединенным войскам.

Хань Чжэн и Линь Цзиньчжи ворвались внутрь:

— Ты, мятежный предатель, отпусти Его Величество!

Князь Ван Лин схватился за цепь на шее Чу Яня. Чу Янь подался назад, в его объятия, но всё тело его напряглось, пытаясь вырваться. Князь посмотрел на Чу Яня и горько усмехнулся:

— Я проиграл.

— Отпусти меня!

— Чэнь-эр, я люблю тебя.

Когда эти слова отчетливо прозвучали в ушах Хань Чжэна и Линь Цзиньчжи, их лица окаменели.

— Я повторяю, отпусти.

Князь Ван Лин не слушал, он продолжал бормотать себе под нос:

— Столько усилий... я просто хотел увидеть тебя. И теперь... наконец увидел.

Он действительно отпустил его, не причинив вреда.

В то же время Хань Чжэн натянул тетиву, прицелившись прямо в князя Ван Лина.

Перед лицом смерти тот не выказал ни капли страха, его взгляд был прикован лишь к Чу Яню.

Его притворная нежность вызывала у Чу Яня тошноту. Он пятился назад, пока не оказался на возвышении.

— Ты так боишься меня?

Тело Чу Яня напряглось:

— Не боюсь.

Князь Ван Лин глухо рассмеялся:

— Я рад. По крайней мере, твоё тело помнит меня.

Такие двусмысленные слова заставили Линь Цзиньчжи покраснеть от ярости, он сжал зубы, готовый растерзать врага.

Лицо Чу Яня было мертвенно-бледным, словно он услышал то, что меньше всего хотел бы услышать в жизни.

Чу Янь закричал:

— Хань Чжэн, стреляй же!

Линь Цзиньчжи испугался, что Хань Чжэн может ранить Чу Яня, ведь расстояние было слишком малым.

Он поспешно остановил его:

— Нет, подожди, пока они отойдут друг от друга!

Со лба Хань Чжэна капал пот:

— Я знаю.

Князь Ван Лин хотел что-то ещё сказать, но Чу Янь отступал, пока не уперся в стену. В его глазах вспыхнула жажда убийства, и он выкрикнул:

— Хань Чжэн, Я приказываю тебе стрелять!

Стрела сорвалась с тетивы, прочертив прямую линию, и вонзилась в князя Ван Лина.

Она пробила ему шею, глаза расширились, лицо налилось кровью, он не мог вымолвить ни слова.

По полу растекалась кровь, князь Ван Лин сделал шаг, другой, пошатываясь, он направился к Чу Яню.

Он протянул руку, желая коснуться его.

Но в итоге, перед самой смертью, смог лишь коснуться ног Чу Яня, стоявшего на возвышении. Затем его рука безвольно упала, и он рухнул рядом с кроватью.

Чу Янь собственными глазами видел, как он перестал дышать, но его собственное тело продолжало дрожать — этот человек навсегда оставил в его душе тень.

Даже перед смертью он хотел коснуться его?

Воздух словно застыл. Линь Цзиньчжи обеспокоенно позвал:

— Ваше Величество...

Чу Янь словно очнулся от сна, подавил в себе страх и сошел с кровати.

В этот момент умирающий вдруг дернулся и вцепился в его ногу мертвой хваткой. Стрела торчала у него из шеи, но он, из последних сил, посмотрел на Чу Яня:

— Даже в аду... я не буду пить отвар забвения... я стану одиноким призраком... буду преследовать тебя... из жизни в жизнь... Сяо Чэнь!!

В этот миг Чу Янь застыл от ужаса, а князь Ван Лин наконец испустил дух, его рука всё ещё судорожно сжимала подол императорского халата.

Чу Янь долго стоял неподвижно, не в силах произнести ни слова.

Его охватило леденящее душу чувство: любовь князя Ван Лина была такой искаженной, такой тяжелой, что от одного осознания этого становилось не по себе.

Линь Цзиньчжи и Хань Чжэн, увидев, что князь мертв, поспешили войти.

— Ваше Величество...

— Ваше Величество!

Чу Янь с трудом различал их голоса, происходящее казалось дурным сном, из которого он никак не мог выбраться.

Хань Чжэн достал ключ и отпер кандалы на его шее и запястьях.

Чу Янь без сил упал в объятия Линь Цзиньчжи, его лицо было таким бледным, что Линь Цзиньчжи стало страшно.

— Лекаря!

В суматохе Линь Цзиньчжи понес Чу Яня обратно в его покои.

Хань Чжэн следовал за ними. Прибывший лекарь, увидев, как Чу Янь даже во сне сжимается в комок, сделал предварительный вывод.

— Как он?

— Его Величество перенес сильное потрясение.

Линь Цзиньчжи онемел. Раньше одно упоминание имени князя Ван Лина или Чжан Вэня заставляло Чу Яня дрожать от страха.

Он действительно боялся этих воспоминаний, прячась в своей раковине.

Когда лекарь произнес это, сердце Линь Цзиньчжи пронзила острая боль. Если бы не князь Ван Лин, они бы никогда не оказались в такой ситуации.

— Его Величеству нужен покой, когда проснется, он может не сразу узнавать людей, прошу вас, молодой господин, не давите на него...

Лекарь говорил запинаясь, боясь разгневать Линь Цзиньчжи.

Тот натянуто улыбнулся:

— Я знаю.

Только тогда лекарь смог вздохнуть с облегчением.

Когда Чу Янь проснулся, он увидел на своем теле множество повязок, особенно на запястьях и щиколотках — от долгого пребывания в кандалах кожа там была синей и кровоточила.

— Ваше Величество очнулся!

Но его взгляд был пуст, он сидел неподвижно, не плача и не смеясь.

Линь Цзиньчжи вошел, осторожно глядя на него:

— Ваше Величество...

Реакция Чу Яня была бурной, он отпрянул назад:

— Не подходи... не подходи...

— Ваше Величество?

— Старший брат... не подходи, не преследуй меня.

У Линь Цзиньчжи перехватило дыхание, когда он понял, что Чу Янь принял его за князя Ван Лина. Сердце Линь Цзиньчжи сжалось от тяжести:

— Ваше Величество, я не князь Ван Лин, я Линь Цзиньчжи...

— Врешь! Цзиньчжи не будет меня обманывать!

Линь Цзиньчжи смотрел на него, и взрослый мужчина, опустив голову, заплакал, вздрагивая плечами:

— Я правда не знал... правда не знал, что у отца были такие мысли. Я искренне заботился о тебе, я не обманывал тебя.

Но Чу Янь уже не верил. Он был крайне нестабилен, свернувшись калачиком, чтобы защитить себя.

Линь Цзиньчжи был вынужден выйти, в его душе рождалась лишь ненависть к князю Ван Лину.

Почему даже после смерти он продолжает причинять Чу Яню такую боль?

Поскольку Чу Янь боялся темноты, Линь Цзиньчжи приказал зажечь все лампы. Покои осветились так ярко, словно стоял день. Обычный человек не смог бы уснуть при таком свете, но именно в этой обстановке Чу Янь наконец закрыл глаза.

Линь Цзиньчжи стоял у двери, его мысли не находили покоя.

Последние слова князя Ван Лина навсегда врезались ему в память.

Раньше Линь Цзиньчжи думал, что тот плел интриги, чтобы вернуть трон. Но раз он перед смертью думал лишь об этом, Линь Цзиньчжи решил... что всё это было лишь ради того, чтобы увидеть Чу Яня.

Это был князь Ван Лин, бывший Наследный принц. У него не было одержимости тронном, он сделал всё это лишь для того, чтобы увидеть Чу Яня.

Линь Цзиньчжи задал себе вопрос и понял, что не смог бы так, как он.

Его любовь к Чу Яню была смешана с виной и сожалением, рождая бесконечную жалость.

Линь Цзиньчжи развернулся и ушел.

А в это время Чу Янь, зарывшись головой в одеяло, тихо потерялся об него.

[Всё-таки спать в кровати лучше.]

[...Хозяин, у тебя совсем нет сердца.]

[А какую реакцию ты хочешь?]

[....]

[Я ничего не чувствую к князю Ван Лину, вот к Сяо Чэню...]

Плетение воспоминаний было наполовину правдой, наполовину ложью, но те воспоминания, что Чу Янь показывал им, были подлинными.

В итоге у Сяо Чэня не осталось ничего.

Только эти воспоминания, незыблемые.

Те, что никогда не исчезнут, ночные кошмары в бесконечной тьме.

Даже если ему больно, он больше не кричит.

Его слишком много раз так мучили, он привык, что даже если закричит, никто не придет...

Поэтому он привык быть один.

В делах семьи Линь было ещё много нерешенного, и, вернувшись, Линь Цзиньчжи днями и ночами занимался ими.

Маркиз Линь натворил бед, и в последнее время он всё чаще нес бред.

Линь Цзиньчжи, измотанный, вынужден был слушать сумасбродные речи отца. Теперь отец доверял только Янь Фэну — возможно, потому что в долгой тьме только он был рядом с ним.

<http://bllate.org/book/22166/2309060>